

Н. И. Шитова

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РУССКИХ И ЕЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПО МАТЕРИАЛАМ АЛТАЙСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ (НАЧАЛО XX В.)¹

Работа посвящена выявлению и анализу архивных материалов из фонда Алтайской духовной миссии (Государственный архив Алтайского края, фонд 164), освещающих особенности этнокультурной идентичности русского населения подведомственной миссии территории (Горный Алтай и его предгорья). При этом религиозная идентичность рассматривается в неразрывной взаимосвязи с этнокультурной и как ее важнейшая составляющая. Выявление подобных материалов представляется актуальным, поскольку позволяет впоследствии осуществить метод интеграции архивных и полевых этнографических источников и получить более достоверную картину особенностей этнокультурной идентичности русских и ее трансформаций в условиях иноэтнического окружения и поликонфессиональной среды. Рассмотрение наблюдений миссионеров начала XX в. особенно интересно тем, что отражает процессы, последовавшие за провозглашением свободы совести в 1905 г.

По рассматриваемым материалам прослеживается активизация религиозной деятельности старообрядцев и охлаждение к церкви православных. Также наблюдается своеобразная конкуренция православной церкви и старообрядческих общин за своих прихожан, особенно актуальной проблема становится в смешанных в конфессиональном отношении населенных пунктах. Прослеживаются процессы трансформации идентичности, такие как переходы из православия в старообрядчество и, реже, наоборот, также переходы из одного старообрядческого согласия в другое, что, безусловно является интереснейшим проявлением трансформации этнокультурной идентичности. Выявляются наиболее распространенные причины таких переходов, по большей части связанные с практическими соображениями, такими как желание вступить в брак, часто повторный, или получить более выгодные экономические условия. Миссионеры в своих записках выделяют также ряд важнейших этнокультурных маркеров принадлежности к старообрядчеству, не только обрядовых, но и связанных с внешним видом, одеждой, приятием или неприятием некоторых новых явлений жизни. В целом, можно говорить о том, что в начале XX в. в Горном и предгорном Алтае наблюдается достаточно пестрый этнокультурный состав русского населения и разнообразные процессы трансформации этнокультурной идентичности.

Ключевые слова: *этнокультурная идентичность, религиозная идентичность, трансформации идентичности, православные, старообрядцы, австрийцы, стариковицина, Горный Алтай.*

В современном мире проблемы этнокультурной идентичности принимают глобальный характер, в связи с чем актуально выявление закономерностей трансформаций последней в условиях полиэтничной и поликонфессиональной среды. В Сибири сформировались разнообразные варианты этнокультурной идентичности русского и, в целом, восточнославянского населения, которые вызывают интерес у современных исследователей (см. например: Жигунова, 2011, Фурсова, 2019а, Фурсова 2019б, Федоров, 2018, Гончарова, 2019 и др.). Особенности этнокультурной идентичности русских горных и предгорных районов Алтая в начале XX в. представляются актуальными для исследования, поскольку они формировались в уникальных условиях разновременных переселенческих потоков, в иноэтническом окружении и в пространстве влияния Алтайской духовной миссии.

Деятельность Алтайской духовной миссии, о результатах которой ведутся дискуссии (см. например: Вожакова, 2018), безусловно, оказала существенное воздействие на этнокультурные процессы в регионе, затрагивая не только инородческое, но и русское население. Материалы Ал-

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 18-09-00028 «Этнокультурная идентичность русского и других восточнославянских народов в Сибири (XVII – первая треть XX в.)».

тайской духовной миссии, освещающие особенности русского населения, практически не востребованы в качестве дополнительного письменного источника по русской этнографии, в частности, для изучения этнокультурной идентичности. Между тем, привлечение наследия алтайских миссионеров для этнографического изучения русского населения позволило бы в дальнейшем использовать метод интеграции полевых этнографических и архивных источников, и, следовательно, получить более достоверную картину этнокультурной действительности, в частности, этнокультурной идентичности русских и происходящих в ней трансформаций.

Интересующие нас сведения об этнокультурных особенностях русского населения можно встретить в записках (называемых также дневниками, ведомостями и т.п.) алтайских миссионеров, основной массив которых хранится в Государственном архиве Алтайского края (Ф. 164 – Алтайская духовная миссия). Исследователи относят миссионерские записки к особому жанру мемуарной литературы с устойчивой системой мотивов и тематикой (Мельникова, 2008). Внимание сотрудников миссии прежде всего было привлечено к состоянию коренного населения, как отмечает С. В. Мельникова, «именно инородцы, по сути – центральные герои миссионерских текстов» (Мельникова, 2008: 36). Но при необходимости авторы записок обращали внимание и на религиозно-нравственное состояние русских. Они могли фиксировать случаи изменения религиозной идентичности, переходы из православия в старообрядчество или наоборот, также из одного старообрядческого согласия в другое.

Особенно эта проблема интересовала миссионеров Противораскольнического братства святителя Димитрия, митрополита Ростовского, деятельность которых была направлена на проповедь в старообрядческой среде. В. Н. Ильин приходит к справедливому выводу о том, что членами братства была осуществлена серьезная работа по изучению старообрядчества (Ильин, 2013) и использует материалы братства для исторического освещения состояния старообрядчества на Алтае (территория Алтайского края) (Ильин, 2014).

В качестве основных источников в данной работе мы используем неопубликованные записки сотрудников Алтайской Духовной миссии, Н. Зырянова (Зырянов, 1909), С. Постникова (Постников, 1906), Т. Петрова (Петров, 1909) письмо П. Серебренникова (Серебренников, 1909), записки сотрудников Противораскольнического братства С. Петенева (Петенев 1909а, 1909б, 1909в, 1910), Е. Федоренок (Федоренок, 1909). Привлекаем сведения из опубликованной записки П. Бенедиктова (Бенедиктов, 1909), специальной литературы. Из указанных неопубликованных источников некоторые уже вовлечены в исследовательский процесс. Так, И. В. Куприянова при изучении освещения старообрядчества в переписке миссионеров РПЦ, обращается к ведомости С. Петенева за 1910, запискам С. Постникова и Н. Зырянова за 1906 (Куприянова, 2002). Впервые вводятся в научный оборот три записки С. Петенева за 1909 г., записки Е. Федоренок, Т. Петрова, письмо П. Серебренникова. Используемые записки Н. Зырянова, С. Постникова, Т. Петрова, П. Бенедиктова представляют собой, по существу, годовые отчеты, составление которых входило в обязанности всех сотрудников Алтайской духовной миссии. В них изложены основные особенности современного состояния того или иного прихода, насущные проблемы и достижения духовенства и прихожан, основные события.

Для нашего исследования особый интерес представляют записки сотрудника Противораскольнического Братства Саввы Емельяновича Петенева. Сам выросший в старообрядческой среде и впоследствии перешедший в православие, С. Петенев обращал внимание на специфические локальные особенности старообрядцев различных толков, что делает его записки одним из интересных источников по русской этнографии. Автор настоящей работы ранее уже обращался к одному из дневников С. Петенева. При этом имеющиеся в источнике данные этнографического характера были соотнесены с авторскими полевыми этнографическими материалами и прослежен устойчивый характер некоторых явлений старообрядческой культуры на Алтае (Шитова, 2016).

Мы используем четыре ведомости С. Петенева, хранящиеся среди записок сотрудников Алтайской духовной миссии (Петенев: 1909а, 1909б, 1909в, 1910). Три ведомости охватывают

период с января по август 1909 г. (январь-апрель, май, июнь-август), одна – с августа по октябрь 1910 г. В этих документах сотрудник отчитывается о своей миссионерской работе в среде старообрядцев различных согласий (толков). Основным содержанием записок является описание содержания индивидуальных и коллективных бесед, полемики со старообрядцами, встречаются и отдельные наблюдения за их поведением. О встречах и беседах со старообрядцами сообщается и в записке Евфимия Пименовича Федоренок, в которых освещаются события января 1909 г. (Федоренок, 1909).

Цель настоящего исследования – выявление и анализ в указанных архивных источниках сведений, освещающих особенности идентичности русского населения и ее трансформации. Заметим, что мы намеренно не рассматриваем проблему отличительных особенностей переселенцев и старожилов, поскольку планируем посвятить этому вопросу отдельную публикацию. Хронологические рамки исследования – начало XX в. – уникальный с точки зрения исследования идентичности дореволюционный период, последовавший за провозглашением свободы совести.

Религиозная идентичность является важнейшей составляющей этнокультурной идентичности. Общеизвестно, что до революции преобладала именно религиозная идентичность (православие, древлеправославие), которая, как правило, выступала в семантической тождественности принадлежности к русскому этносу (Жигунова, 2011: 343). Значимость религиозного фактора в системе идентификационных категорий преобладала у старообрядцев, но также была велика и у православных (Фурсова, 2019: 31).

Старообрядчество, в том числе и на Алтае, было представлено разнообразными локальными конфессиональными этнографическими группами, и принадлежность к конкретному согласию в определенной местности определяла не только религиозную, но и в целом этнокультурную идентичность. Е. Ф. Фурсова выделяет такие характеристики как диалекты и манера говорить, одежду и обувь, а также особенности бытового уклада религиозности, праздничной культуры и прочее как компоненты культуры, в которых, проявляются идентификационные характеристики, позволяющие охарактеризовать этнокультурную идентичность в целом (Фурсова, 2019: 31). Именно поэтому в настоящем исследовании, акцентируя внимание на важных для носителей культуры критериях самоидентификации и их трансформации, изменение религиозной идентичности мы попытаемся рассмотреть в этнокультурном контексте. Надеемся на основании выбранных источников продемонстрировать в настоящей работе неразрывность религиозного и этнокультурного компонента идентичности в условиях существования локальных конфессионально-этнографических групп русских.

Заметим, что состав последних был весьма разнообразен. Помимо старожильческих и переселенческих православных групп, в начале XX в. существовало множество старообрядческих. Из последних преобладали согласия (толки) стариковщина (старообрядцы-беспоповцы) и австрийцы (старообрядцы-поповцы белокриницкой или австрийской иерархии). В записках миссионеров упоминаются также самокрещенцы, поморцы, федосеевцы, рябиновцы.

После выхода в 1905 г. указа «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля и манифеста 17 октября 1905 г., провозгласившего свободу совести, проблема религиозной идентичности актуализируется как среди русского, так и инородческого населения станов миссии. По мнению Ю. А. Крейдун, указ о веротерпимости воспринимался неокрепшими в вере алтайцами как свобода от религиозной ответственности, при этом не последнюю роль в таком восприятии играло охлаждение к религии части русского населения (Крейдун, 2013: 45, 46).

Так, например, об изменении религиозного поведения прихожан сообщает чемальский миссионер Т. Петров: «Скорбей у миссионера масса, а с объявлением свободы совести и религии, прихожане, в особенности русские, охладели к церкви» (Петров, 1909: л. 16 об.). Священник П. Серебренников пишет о неявке прихожан с Мариинского на праздничное богослужение: «Я приехал 31 марта... в Мариинское для Пасхального богослужения и хождения со Св. иконами и заставил звонить для собрания народа, никто не явился в церковь» (Серебренников, 1909: л. 36).

Об «угасающем религиозном настроении» (Бенедиктов, 1909: 145) с горечью повествует улалинский миссионер П. Бенедиктов: «От прежней религиозной настроенности населения не осталось и помину, и часто в великие праздники, особенно летом, к Богослужению приходят десятка два, три старушек и несколько детей» (Бенедиктов, 1909: 144). Причину такого положения священник видит в наплыве в Улалу переселенцев из различных губерний России и влиянии событий освободительного движения 1905 и 1907 гг. (Бенедиктов, 1909: 145).

Важно заметить, что ослабление религиозной идентичности русских обходит стороной некоторые приходы. Как отмечает Ю. А. Крейдун, «вместе со случаями охлаждения и отпадения от православия в среде наиболее твердых в вере наблюдался религиозный подъем» (Крейдун, 2013: 145). В частности, исследователь приводит пример прихода с. Шебалино, в котором на средства прихожан в 1905 г. был установлен иконостас стоимостью 2000 руб. (Крейдун, 2013: 145).

Наряду с случаями ослабления религиозной идентичности православных наблюдаются и процессы перехода из православия в старообрядчество (также описываются случаи обратного перехода), смены идентичности внутри старообрядчества (переход из одного согласия в другое, подчас, неоднократный). Такие изменения происходят, прежде всего, в тех населенных пунктах, где присутствует религиозно смешанное население (православные и старообрядцы) или перешедшее в православие население со старообрядческими корнями.

Такую ситуацию, например, описывает миссионер Абайского стана священник Николай Зырянов: «Православные в Юстике имеют большую склонность к старообрядчеству. Причиной тому служит то, что предки некоторых из них были старообрядцы, некоторые же долгое время живут среди них, жены многих из них взяты из старообрядчества...» (Зырянов, 1909: л. 5 об.).

Активизация старообрядческого движения, особенно так называемых австрийцев, происходит на фоне охлаждения русского православного населения к религии в условиях свободы совести. Представителям согласия теперь нет необходимости скрываться: «Наши раскольники стали неузнаваемые, прежде скрытая вражда их к православным уже не прячется, а старается воспользоваться каждым случаем заявить о себе» (Постников, 1906: л. 2). Впервые за все время существования старообрядчества богослужения могут совершаться свободно: «Богослужение у них совершается открыто. Лжепопами в прошедшую Пасху обойдены свои прихожане с иконами по домам, а в мае и по полям, по случаю стоявшей засухи» (Зырянов, 1909: л. 6).

Старообрядцы начинают активно строить церкви, молитвенные дома и школы. Например, в с. Тайнинском открыто две старообрядческих школы - одна австрийцев, другая бесповцев (Постников, 1906: л. 2 об.). Священник Николай Зырянов сетует на то, что, в отличие от православных, старообрядцы даже для небольшого количества прихожан могут свободно получить разрешение на такое строительство: «Православным, насчитывающим среди себя хотя бы и десятка семейств, не всегда будет разрешена постройка молитвенных домов, а австрийцы, не насчитывающие и десяти дворов, беспрепятственно строят себе церковь» (Зырянов, 1909: л. 6).

Религиозная активность православных и старообрядческих деятелей выражалась и в организации публичных дискуссий. Например, по мнению священника Сергея Постникова, крупным событием не только Тайнинского прихода, но и всего края явилась трехдневная противораскольническая беседа, состоявшаяся летом 1906 г в с. Тайнинском. Со стороны старообрядцев на нее был приглашен «защитник австрийской белокриницкой иерархии» о. Мельников. Миссионер в подобных дискуссиях видит прежде всего один из способов старообрядческой агитации, «не что иное, как только законно прикрытый проводник всякой раскольнической пропаганды» (Постников, 1906: л. 3). Публичные религиозные споры приносили свои плоды: «Колеблющиеся, которые начали было крестить детей в православной церкви, вернулись обратно и перекрестили детей, а некоторые дерзают делать даже предложение и православным принять их победную истинную отеческую, как они выражаются, веру... Среди православных находятся жертвователи и на их храмы» (Постников, 1906: л. 2 об.).

В отдаленном Абайском стане, так же, как и в Тайнинском приходе, деятельность старообрядцев активизируется. «Большой язвой в приходе» называет священник Николай Зырянов старообрядцев австрийского священства. Он сообщает, что они распространяют слухи о том, «что якобы Сам перешел в их веру и дал им права наравне с православными (никонианами)». (Зырянов, 1909: л. 5 об.) При этом священник отмечает отсутствие особого влияния на своих прихожан старообрядцев-беспоповцев: «В Абайский приход вошло много старообрядцев, большинство которых беспоповцы стариковщинского толка, которые совсем почти не имеют никакого влияния на православных». (Зырянов, 1909: л. 5 об.)

На основе изучаемых архивных источников можно выделить наиболее характерные причины перехода из православия в старообрядчество. Это желание заключить брак, часто повторный, и экономические преимущества (дешевизна или бесплатность старообрядческих обрядов по сравнению с православными). Последняя причина продемонстрирована в характеристике состояния прихода в д. Каяча, население которой «наполовину раскольники и православные»: «Православные открыто заявляют, что... платить они причту не согласны. Если платить, то пусть платят и раскольники, а то с них нет никаких поборов, как у нас... У нас нужно дать жалование причту, содержать трапезников, караульных, доставлять дрова на отопление церкви, а у раскольников этих поборов нет, они знают только одну подать, и они живут далеко лучше нас. А поэтому и мы можем уйти в раскол, потому что теперь дана свобода веры Царем, как хочешь, так и веруй. Жалование попу у них не платят... Живи привольно. А вас они называют обиралами и грабителями» (Постников, 1906: л. 1). Анализируя ситуацию, священник приходит к выводу о том, что следствием обращения к гражданским властям с просьбой о взыскании жалования с прихожан может явиться то, что «русские каячинцы уйдут в австрийскую секту, а инородцы – обратно в шаманизм» (Постников, 1906: л. 1 об.).

Еще одна экономическая причина изменения идентичности могла заключаться, хоть и реже, в выгоде коммерческого сотрудничества со старообрядцами. Например, миссионер Сергей Постников сообщает: «Один из православных с. Тайнинского, человек грамотный, имеет маслодельный завод, в праздник Рождества Христова не приняв с крестом православного священника, в тот же день позволил у себя в квартире славить Христа с крестом раскольническому лжепопу». (Постников, 1906: л. 2 об. – 3).

Теперь остановимся на случаях трансформации идентичности при заключении браков. «При заключении браков австрийскими попами никаких документов не полагается – соблазн для православных», – констатирует священник Николай Зырянов (Зырянов, 1909: л. 6). Перечислим для примера ряд подобных случаев. Так, А.И. Санников, переселившийся из Оханского уезда Пермской губернии, «был прежде стариковщина, а сейчас перешел в австрийщину и повенчался на 30 летней, а сам лет 60» (Петенев, 1909б: л. 46 об). Православный крестьянин с. Нижне-Каменки Алтайской волости, «был повенчан с одной мужней женщиной, хотя и разошедшейся с прежним мужем, но брак которой законным порядком не был расторгнут» (Зырянов, 1909: л. 5 об.). А вот слова Саввы Петенева, обращенные в адрес старообрядки, некоей Фроловой: «Ты родилась в стариковщине, взамуж вышла за православного, затем опять в стариковщину, а переехали в Абабкову, ушли в австрийскую» (Петенев, 1910: л. 2)

Справедливости ради, стоит отметить и случаи перехода из старообрядчества в официальное православие, которые могли происходить как в связи со вступлением в брак, так и по причине духовных исканий. Например, некто из старообрядцев Шмаков сильно «горячился» против православной веры по той причине, что о. Тихон повенчал его дочь за православного (Петенев, 1909а: л. 34). В результате духовных исканий перешел в православие из старообрядчества сам миссионер Савва Петенев. В своем дневнике он приводит фрагмент разговора с бывшим единоверцем, «раскольником стариковской секты» Анфимом Семеновичем Бжитсковым: «Он и говорит, вот ты с нами же был, С.Е., а теперь вот ушел в Аконтяны [здесь, видимо, искаженное «никониане». – Н.Ш.]. Я думаю это все ты напрасно хвалишь Аконтянскую веру?»

Я говорю, не в никонтяны я ушел, а в церковь православную, и веру апостольскую... Бжитсков, неужели наши старики хуже тебя знали, а ведь держались и держатся все еще стариковщины, т. е. старой веры? Я, они ваши старики наставники, не веры во Христа держатся, а перстов, поклонов, чашки, кафтана, лестовки, подрушника... и проч.» (Петенев, 1909а: л. 34).

Поиски истины в разнообразных формах осуществляли и другие представители старообрядчества. Например, Некая Матрена Голдобина стариковской секты, проживавшая на заимке по Устюбеню, просила Савву Петенева переслать от нее 5 рублей на Афон: «Если, говорит, оттудова мне скажут, что неладно быть старообрядцами, я перейду в православную церковь» (Петенев, 1909б: л. 46).

Тот же миссионер обращает внимание на то, что старообрядцы разных толков «о церкви понимают различно, то есть принимают в свое общество». Далее миссионер поясняет: «Поморцы, самокрещенцы, перекрещивают. Стариковщина крещение православное признают за Св. Австрийцы миром мажут. Кто как вздумает» (Петенев, 1910: л. 1).

Процедура перехода в старообрядчество сопровождалась переходным состоянием, так называемым оглашением. Так, Савва Петенев пожелал навестить некоего Кожевникова, который «уклонился в раскол» и на момент визита был в отъезде с семьей в д. Малиновке, предположительно, с целью перекреститься. Дома остались две дочери Ирина и Мария (16 и 12 лет), у которых пытались выяснить их религиозную принадлежность: «Я спросил Ирину, вы, говорю, еще не перекрещивались? Ирина говорит, нет, не перекрещивались. Я, с нами пить из одной чашки будешь? Ирина говорит, нет не будем. Я, вы видно по ихнему приняты на очищение? Ирина, я не знаю. Я, а вы были в их молельне? Ирина говорит, были. Я, начал семипоклонный клали, т. е. молились? Ирина говорит: клали. Я, потом всем по 3 раза в ноги кланялись? Ирина, кланялись, говорит. Но вы значит по ихнему оглашенные сейчас. А брат ваш Петр, и молодуха, вместе едят? Ирина говорит, вместе. Я, а с вами врознь? Ирина, с нами они не едят, а врозь. Я, а отец и мать с вами едят? Ирина, нет особо» (Петенев, 1910: л. 2 об.). В результате этого диалога миссионер делает вывод о том, что на следующий день, когда семья будет в сборе, он сможет разобраться по разделению посуды внутри семьи, перекрещены ли девицы из православия или нет: «Но в завтра увидим кто с кем будет есть. Я для этого спрашивал, что перекрестили ли нет» (Петенев, 1910: л. 2 об.).

К радости Саввы Петенева, он получил приглашение отобедать от главы интересующего его семейства: «Этому я и рад, потому, по чашкам узнаю, кто перекрещен, кто оглашен по ихнему» (Петенев, 1910: л. 2 об.). Далее автор записок наблюдает за приемом пищи и соблюдением «чашки»: «Когда уселись за стол, налили по три чашки всем 8 человекам их семья, и 4-ю чашку мне» (Петенев, 1910: л. 3). Миссионер высказывает возмущение такому разделению внутри одной семьи: «Ели из одной чашки, а теперь посмотрите-ка на свой стол, чашки разны, скатерки разны, хлеб лежит не на середке, как прежде бывало, а на каждой скатерке свой хлеб, не вражда ли это?» (Петенев, 1910: л. 3).

Описанная ситуация демонстрирует совершенно особую роль так называемого чашичества в качестве этнокультурного маркера, жестко отделяющего своих и чужих по основополагающему идентификационному признаку у старообрядцев – принадлежности к тому или иному согласию (подробнее о соблюдении чашки см. например: Шитова, 2009).

Постоянное наблюдение за старообрядчеством позволяет Савве Петеневу достаточно точно выделить и другие важнейшие маркеры старообрядческой идентичности, которые касаются как обрядности, так и предметов материальной культуры, прежде всего, одежды. Так, раскольник стариковщинской секты М.А. Шмаков (д. Колова Айской волости) говорил: «Умру за старую нашу веру!». На что миссионер ему отвечал: «У вас остричь верхушку головы у мужика, а виски оставить – это вера. Кафтан сшил по три борки на боках – это вера. Семипоклонный начал – это вера. Двухперстное сложение – вера, по солнцу ходить – это вера и тому подобное» (Петенев, 1909а: л. 33 об.).

Один из миссионеров описывает характерный для старообрядцев обычай милостыньки, причем, ее принято подавать и посторонним иноверцам, по каким-либо причинам присутствующим в это время (по нашим материалам, такая особенность бытует и в настоящее время): «Поочередно, вся семья от старшего хозяин дома оделил милостыней, денежным подаванием. Потом стоит милостыню младших. Таким образом вся семья, каждый в отдельности подал милостыню приглашенным на обед. В числе приглашенных неприглашенному подали 6 копеек» (Федоренок, 1909: л. 28 об.).

Важнейшей составляющей идентичности старообрядцев выступает не только приверженность к определенным элементам духовной и материальной культуры, но также и отрицание некоторых явлений. На первом месте у старообрядцев в этом отношении стоит табак: «Укорять наших священников за табак – если бы попы ваши не курили, то и мы в церковь ходили» (Федоренок, 1909: л. 28 об.). Интересно заметить, что вплоть до настоящего времени курение может являться поводом для отстранения от старообрядческой общины, о чем свидетельствуют наблюдения автора. Также отрицаются технические новшества и новшества в одежде: «Машины разные – это грех, пинжаки и сюртуки немецкие – это грех, картузы – это грех, калоши носить – это тоже грех» (Федоренок, 1909: л. 27 об.).

Вопросы принятия или отрицания какого-либо новшества порою остро вставали перед общинами, и в случаях, когда единое подходящее решение не находилось, община дробилась, что также является специфическим изменением локально-конфессиональной идентичности. Например, в д. Карагайка стариковцы разделились на два собора со своими наставниками: «Одни ходят к Морочеву, это которы молоко продают на заводы, а другие ходят к Долганову, которы не носят молоко на заводы» (Петенев, 1909б: л. 45). При этом существует некая условность такого деления: «Но Долганов Савина Шадрина принял, хотя он носит молоко, но дал 30 руб. А если бы бедняк, только сдай молоко на завод и долой от собора» (Петенев, 1909б: л. 45).

Напряженные споры старообрядцев о принятии или непринятии новых явлений общественной жизни происходили, например, на соборе стариковцев д. Кутари в январе 1909 г. Так, один из участников собора, Г. Е. Храмов, отзывался о нем следующим образом: «Лучше сходиться в театр, чем на старообрядческий собор, одна только ругань, больше ничего» (Федоренок, 1909: л. 27). Возникли несогласия: «Одним надо община, а другим не надо община» (Федоренок, 1909: л. 27). Председатель собора Егор Яковлевич Завьялов выступал за возможность принятия общины, поскольку считал, что она не вредна. Другие говорили о том, что община – это «выдумка антихриста» (Федоренок, 1909: л. 27). Наставник из Каменки Николай Иванович Долгов считал, что «община не может душе принести вред», «не грех принять общину» (Федоренок, 1909: л. 27 об.). Ему громко оппонировали другие наставники: «Мы и без правил знаем, что община дело бесовское и принимать ее грешно» (Федоренок, 1909: л. 27). Отношение к этому вопросу в одночасье становится важнейшим идентификационным маркером: «Кто с нами не согласен, мы того без всяких правил отлучим и как еретиков считать будем» (Федоренок, 1909: л. 27).

И в наше время отличительной особенностью старообрядцев является склонность к раздроблению собора в связи разногласием верующих по какому-либо ставшему актуальным вопросу. Как и в начале XX в., так и в конце, соборы дробились в случае несогласия по обрядовым вопросам, таким, например, как особенности обряда крещения (Шитова, 2018: 316).

Подводя итог вышесказанному, можно говорить о том, что для территории, подведомственной Алтайской духовной миссии в начале XX в., были характерны случаи охлаждения к православию и состояния религиозной индифферентности прихожан, изменения религиозной идентичности и перехода из православия в старообрядчество и, реже, наоборот, а также из одного старообрядческого согласия в другой. Скорее всего, наиболее частыми причинами таких переходов являлись вступление в брак с представителем старообрядческого толка с при-

нятием веры последнего или же, наоборот, с принятием веры православного супруга. Удобства заключения брака при переходе в старообрядчество, в том числе повторного, заключалось в отсутствии необходимости каких-либо документальных подтверждений.

Наблюдаются и экономические причины изменения идентичности. Это может быть «экономическое» преимущество старообрядчества перед православием (не надо содержать причт, священника и пр.), или же желание стать своим для перспективных деловых партнеров.

По приведенным нами материалам, на наш взгляд, отчетливо прослеживается взаимосвязь религиозной старообрядческой идентичности и этнокультурной. Ведь принадлежность к старообрядческому согласию определяется как маркерами обрядовых религиозных действий, таких как двоеперстие, семипоклонный начал, хождение посолонь, так и определенной прической, кроем одежды, традицией чашичества и т.д. Определяющее значение имеет также отрицание ряда нерусских компонентов культуры, таких как табак, современная «немецкая одежда», спорное отношение к новейшим явлениям жизни (возможность сотрудничества с маслозаводом, использование современной техники, община).

Список литературы:

Бенедиктов П. Записки Улалинского миссионера за 1909 г. – 1909 // Миссионерские записки и дневники сотрудников Алтайской духовной миссии: Сборник архивных документов / Сост. Ю. А. Крейдун. – Барнаул: Алтайский дом печати, 2016. – С. 142–151.

Вожакова М. С. Деятельность Алтайской духовной миссии в оценках исследователей // Вестник Ярославского государственного университета. – 2018. – № 3. – С. 30–32.

Гончарова Т. А. Этническая идентичность славянских этнодисперсных групп сквозь призму персональных текстов (на материалах Томской области) // Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – С. 325–328.

Жигунова М. А. Этнокультурная идентичность русских: современные проблемы изучения и сохранения // Феномен идентичности в современном гуманитарном знании: к 70-летию академика В. А. Тишкова. – М.: Наука, 2011. – С. 337–351.

Зырянов Н. Записки миссионера Абайского стана, Алтайской духовной миссии, священника Николая Зырянова, за 1909 г. – 1909 // Государственный архив Алтайского края. – Ф. 164. – Оп. 1. – Д. 86. 7 л.

Ильин В. Н. Противораскольническое братство святителя Димитрия, митрополита Ростовского в Томской епархии // Известия Алтайского государственного университета. – 2013. – № 4–2 (80). – С. 157–161.

Ильин В. Н. Старообрядчество Томской губернии в 1832–1905 гг. в контексте государственно-конфессиональной политики Российской империи // Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии. – Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 2014. – Т. 1. Поздняя древность – начало XX в. – С. 110–120.

Крейдун Ю. А. Дальний баталион. Православные храмы Мыюты и Шебалино в XIX – нач. XX в. – Новосибирск: ООО «Альфа-Порте», 2013. – 160 с.

Куприянова И. В. Старообрядцы предгорий Алтая в переписке миссионеров РПЦ (начало XX в.) // Старообрядчество: История и культура. Вып. 2. – Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 2002. – С. 80–92.

Мельникова С. В. Записки алтайских миссионеров и их жанровая специфика // Сибирский филологический журнал. – 2008. – № 2. – С. 34–42.

Петенев С. Е. Ведомость 1909 года за три месяца июнь, июль и август. – 1909а // Государственный архив Алтайского края. – Ф. 164. – Оп. 2. – Д. 42. – Л. 29–35.

Петенев С. Е. Ведомость за 1910 год за август, сентябрь и октябрь. – 1910 // Государственный архив Алтайского края. – Ф. 164. – Оп. 1. – Д. 145. – Л. 1 об. – 12 об.

Петенев С. Е. [Дневник сотрудника противораскольнического Братства Святителя Дмитрия митрополита ростовского Саввы Емельянова Петенева. 1909 г. мая 13 дня]. – 1909б // Государственный архив Алтайского края. – Ф. 164. – Оп. 2. – Д. 42. – Л. 41–48 об.

Петенев С. Е. [Дневник сотрудника противораскольнического Братства Святителя Дмитрия митрополита ростовского Саввы Емельянова Петенева. 1909 г. июня 2 дня]. – 1909в // Государственный архив Алтайского края. – Ф. 164. – Оп. 2. – Д. 42. – Л. 49 об. – 52 об.

- Петров Т.** Записки чемальского миссионера за 1909 г. – 1909 // Государственный архив Алтайского края. – Ф. 164. – Оп. 2. – Д. 42. – Л. 12–17.
- Постников С.** Записки Макарьевского миссионера священника Сергея Постникова за 1906 г. – 1906 // Государственный архив Алтайского края. – Ф. 164. – Оп. 1. – Д. 102. 3 л.
- Серебренников П.** [Письмо отцу Петру от 13 апреля 1909 г.]. – 1909 // Государственный архив Алтайского края. – Ф. 164. – Оп. 1. – Д. 36. – Л. 53–53 об.
- Федоренок Е. П.** [Записки сотрудника Е. П. Федоренок за 1909 год]. – 1909 // Государственный архив Алтайского края. – Ф. 164. – Оп. 2. – Д. 42. – Л. 24–28 об.
- Фёдоров Р. Ю.** Социокультурные последствия крестьянских переселений в Сибирь во второй половине XIX – начале XX в. // Миграционные процессы в Сибири: народы, культуры, государственная политика Сборник научных трудов Междунар. науч.-практ. конф. Под ред. М. А. Жигуновой, И. И. Кротта. – Омск: Изд. центр «КАН», 2018. – С. 76–84.
- Фурсова Е. Ф.** Основные факторы формирования этнокультурной идентичности (по материалам русских Сибири на рубеже XIX – XX веков) // Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – С. 30–34.
- Фурсова Е. Ф.** Проблемы этнокультурной идентичности украинского населения Западной Сибири (в начале XX и начале XXI веков) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – Т. XXV. – С. 748–753.
- Шитова Н. И.** Дневник миссионера Саввы Петенева как источник по этнографии русского населения Алтая // Макарьевские чтения. Материалы XI Международной научно-практической конференции. – Горно-Алтайск: РИО Горно-Алтайского государственного университета, 2016. – С. 226–229.
- Шитова Н. И.** Старообрядческие группы в Горном Алтае (по полевым материалам) // Полевые исследования на Алтае, в Прииртышье и Верхнем Приобье (археология, этнография и устная история): 2017 год: Материалы XIII международной научно-практической конференции. – Горно-Алтайск: БИЦ Горно-Алтайского государственного университета, 2018. – С. 312–317.
- Шитова Н.И.** Традиции чашничества у староверов Уймонской долины Горного Алтая // Сибирь на перекрестье мировых религий: Материалы IV Межрегиональной научно-практической конференции. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского государственного университета, 2009. – С. 314–318.

Шитова Наталья Ивановна, к.и.н., младший научный сотрудник,
Институт археологии и этнографии СО РАН.
проспект Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, Россия, 634090.
E-mail: natalja.sni2011@yandex.ru

Материал получен редакцией 18 декабря 2019 г.

Shietova N.

ETHNOCULTURAL IDENTITY OF THE RUSSIANS AND ITS TRANSFORMATION ACCORDING TO THE MATERIALS OF THE ALTAI ECCLESIASTICAL MISSION (THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY)

The research is dedicated to revealing and analyzing of archival materials from the fund of the Altai ecclesiastical mission (State archive of the Altai Krai, Fund 164) that concern the specifics of ethnocultural identity of the Russian population who lived at the territory (Gorny Altai and low elevational parts of the Altai) that referred to the running of this mission. The religious identity of the people is seen as closely connected to the ethnocultural identity and is its important integral part. The finding of these materials is believed of much relevance, for it allows using the method of integration of archival and field ethnographical resources and further obtaining of a more clear picture of the specific features in the ethnocultural identity of the Russians, and how it was transformed in conditions of the foreign surrounding and multiconventional environment. The study of the observations of missionaries of the 20th century is especially interesting due to its potential to reflect processes that followed the declaration of freedom of worship in 1905.

The studied materials show a growing activity in the sphere of religion among Old Believers and alienation from church among the Orthodox believers. The research reveals a particular competition

between the Orthodox church and the communities of Old Believers to have more parishioners, which was a specially evident problem at settlements with confessionally mixed relationships. The research discovers processes of transformation of the identity of people, such as transferring of from the Orthodox church to Old Believers and on the contrary visa versa, what is still noticed much rarer. There were cases of leaving one Old Believers' community for another, and these cases most interesting explosion of the transformation processes of the ethnocultural identity. The work also names the most common reasons of these transformative changes, which were largely dependent on practical perspectives of the people, including willing to get married again, or acquiring a more lucrative economic conditions. The missionaries note in their records a number of most essential ethnocultural markers that belong to the Old Belief, such markers that not only concern rituals, but referring to the outlook of a person, his clothes, accepting or not accepting some new things in life. In general, one can say that in the beginning of the 20th century in Gorny Altai and its neighboring low elevations in Russia the ethnocultural composition of the Russian population was quite varied and was subject to different transformation processes of the ethnocultural identity.

Key words: *ethnocultural identity, religious identity, transformations of identity, Orthodox parishioners, Old Believers, Austrians, starikovschina, Gorny Altai.*

References:

- Benediktov P.** Zapiski Ulalinskogo missionera za 1909 g. – 1909 [Notes of the Ulala missionary for 1909] // *Missionerskie zapiski i dnevniki sotrudnikov Altajskoj dukhovnoj missii: Sbornik arkhivnykh dokumentov / Sost. YU. A. Krejdun.* – Barnaul: Altajskij dom pečati, 2016. – S. 142–151. (in Russian)
- Vozhakova M.S.** Deyatel'nost' Altajskoj dukhovnoj missii v otsenkakh issledovatelej [The activity of the Altai spiritual mission in the estimates of researchers] // *Vestnik Yaroslavskego gosudarstvennogo universiteta.* – 2018. – № 3. – S. 30–32. (in Russian)
- Goncharova T. A.** Etnicheskaya identichnost' slavyanskikh ehnodispersnykh grupp skvoz' prizmu personal'nykh tekstov (na materialakh Tomskoj oblasti) [Ethnic identity of Slavic Ethnic Dispersed Groups through the Lens of Personal Texts (Based on the Data of Tomsk Region)] // *Ehtnokul'turnaya identichnost' narodov Sibiri i sopredel'nykh territorij.* – Novosibirsk: Izd-vo IAEHT SO RAN, 2019. – S. 325–328. (in Russian)
- Zhigunova M.A.** Ehtnokul'turnaya identichnost' russkikh: sovremennye problemy izucheniya i sokhraneniya [Ethnocultural identity of Russians: modern problems of study and preservation] // *Fenomen identichnosti v sovremennom gumanitarnom znanii: k 70-letiyu akademika V.A. Tishkova.* – M.: Nauka. – 2011. – S. 337–351. (in Russian)
- Zyryanov N.** Zapiski missionera Abajskogo stana, Altajskoj dukhovnoj missii, svyashhennika Nikolaya Zyryanova, za 1909 g. [Notes of the missionary of Abay camp, Altai spiritual mission, priest Nikolay Zyryanov, for 1909]. – 1909 // *Gosudarstvennyj arkhiv Altajskogo kraja.* – F. 164. – Op. 1. – D. 86. 7 l. (in Russian)
- Il'in V. N.** Protivoraskol'nicheskoe bratstvo svyatitelya Dimitriya, mitropolita Rostovskogo v Tomskoj eparkhii [Anti-schismatic brotherhood of St. Demetrius, Metropolitan of Rostov in the diocese of Tomsk] // *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta.* – 2013. – № 4–2 (80). – S. 157–161. (in Russian)
- Il'in V. N.** Staroobryadchestvo Tomskoj gubernii v 1832–1905 gg. v kontekste gosudarstvenno-konfessional'noj politiki Rossijskoj imperii [Old believers of Tomsk province in 1832–1905 in the context of state and confessional policy of the Russian Empire] // *Religioznyj landschaft Zapadnoj Sibiri i sopredel'nykh regionov Tsentral'noj Azii.* – Barnaul: Izd-vo Altajskogo gosudarstvennogo universiteta, 2014. – T. 1. Pozdnyaya drevnost' – nachalo XX v. – S. 110–120. (in Russian)
- Krejdun Yu. A.** Dal'nij batalion. Pravoslavnye khramy Myuty i Shebalino v XIX – nach. XX v. [Far battalion. Orthodox churches of Myuta and Shebalino in the XIX–beginning of the XX century] – Novosibirsk: OOO «Al'fa-Porte», 2013. – 160 s. (in Russian)
- Kupriyanova I. V.** Staroobryadtsy predgorij Altaya v perepiske missionerov RPTS (nachalo XX v.) [Old believers of the Altai foothills in the correspondence of missionaries of the Russian Orthodox Church (early XX century)] // *Staroobryadchestvo: Istoriya i kul'tura. Vypusk 2.* – Barnaul: Izd-vo Altajskogo gosudarstvennogo universiteta, 2002. – S. 80–92. (in Russian)
- Mel'nikova S. V.** Zapiski altajskikh missionerov i ikh zhanrovaya spetsifika [Notes of Altai missionaries and their genre specificity] // *Sibirskij filologičeskij zhurnal.* – 2008. – № 2. – S. 34–42. (in Russian)

- Petenev S. E.** Vedomost' 1909 goda za tri mesyatsa iyun', iyul' i avgust [1909 statement for the three months of June, July and August]. – 1909a // Gosudarstvennyj arkhiv Altajskogo kraja. – F. 164. – Op. 2. – D. 42. – L. 29–35. (in Russian)
- Petenev S. E.** Vedomost' za 1910 god za avgust, sentyabr' i oktyabr' [1910 statement for August, September and October]. – 1910 // Gosudarstvennyj arkhiv Altajskogo kraja – F. 164. – Op. 1. – D. 145. – L. 1 ob. – 12 ob. (in Russian)
- Petenev S. E.** [Dnevnik sotrudnika protivoraskol'nicheskogo Bratstva Svyatitelya Dmitriya mitropolita rostovskogo Savvy **Emel'yanova Peteneva**. 1909 g maya 13 dnya] [Diary of an employee of the anti-schismatic Brotherhood of St. Dmitry Metropolitan of Rostov Savva Emelyanov Petenev. 1909 may 13 days]. – 1909b // Gosudarstvennyj arkhiv Altajskogo kraja. – F. 164. – Op. 2. – D. 42. – L. 41–48 ob. (in Russian)
- Petenev S. E.** [Dnevnik sotrudnika protivoraskol'nicheskogo Bratstva Svyatitelya Dmitriya mitropolita rostovskogo Savvy **Emel'yanova Peteneva**. 1909 g iyunya 2 dnya] [Diary of an employee of the anti-schismatic Brotherhood of St. Dmitry Metropolitan of Rostov Savva Emelyanov Petenev. 1909 June 2 days]. – 1909v // Gosudarstvennyj arkhiv Altajskogo kraja. – F. 164. – Op. 2. – D. 42. – L. 49 ob. – 52 ob. (in Russian)
- Petrov T.** Zapiski chemal'skogo missionera za 1909 g. [Notes of the Chermal missionary for 1909]. – 1909 // Gosudarstvennyj arkhiv Altajskogo kraja. – F. 164. – Op. 2. – D. 42. – L. 12–17. (in Russian)
- Postnikov S.** Zapiski Makar'evskogo missionera svyashhennika Sergeya Postnikova za 1906 g. [Notes Makariev missionary priest Sergei Postnikov for 1906]. – 1906 // Gosudarstvennyj arkhiv Altajskogo kraja. – F. 164. – Op. 1. – D. 102. 3 l. (in Russian)
- Serebrennikov P.** [Pis'mo ottsu Petru ot 13 aprelya 1909 g.] [Letter to father Peter dated April 13, 1909]. – 1909 // Gosudarstvennyj arkhiv Altajskogo kraja. – F. 164. – Op. 1. – D. 36. – L. 53–53 ob. (in Russian)
- Fedorenok E. P. [Zapiski sotrudnika E.P. Fedorenok za 1909 god] [Notes of the employee E. p. Fedorenok for 1909]. – 1909 // Gosudarstvennyj arkhiv Altajskogo kraja. – F. 164. – Op. 2. – D. 42. – L. 24–28 ob. (in Russian)
- Fyodorov R. Yu.** Sotsiokul'turnye posledstviya krest'yanskikh pereselenij v Sibir' vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. [Socio-cultural consequences of peasant migrations to Siberia in the second half of the XIX – early XX century] // Migratsionnye protsessy v Sibiri: narody, kul'tury, gosudarstvennaya politika. Sbornik nauchnykh trudov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii. Pod red. M. A. Zhigunovoj, I. I. Krotta. – Omsk: Izd. tsentr «KAN», 2018. – S. 76–84. (in Russian)
- Fursova E. F.** Osnovnye faktory formirovaniya ehtnokul'turnoj identichnosti (po materialam russkikh Sibiri na rubezhe XIX – XX vekov) [The main factors of formation of ethno-cultural identity (based on the materials of the Russians of Siberia at the turn of the XIX–XX centuries)] // Ehtnokul'turnaya identichnost' narodov Sibiri i sopredel'nykh territorij. – Novosibirsk: Izd-vo IAEHT SO RAN, 2019. – S. 30–34. (in Russian)
- Fursova E. F.** Problemy ehtnokul'turnoj identichnosti ukrainskogo naseleniya Zapadnoj Sibiri (v nachale XX i nachale XXI vekov) [Problems of ethnocultural identity of the Ukrainian population of Western Siberia (in the early XX and early XXI centuries)] // Problemy arkheologii, ehtnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorij. – Novosibirsk: Izd-vo IAEHT SO RAN, 2019. – T. XXV. – S. 748–753. (in Russian)
- Shietova N. I.** Dnevnik missionera Savvy Peteneva kak istochnik po ehtnografii russkogo naseleniya Altaya [Diary of the missionary Savva Petenev as a source on Ethnography of the Russian population of Altai] // Makar'evskie chteniya. Materialy XI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii. – Gorno-Altajsk: RIO Grono-Altajskogo gosudarstvennogo universiteta, 2016. – S. 226–229. (in Russian)
- Shietova N. I.** Staroobryadcheskie gruppy v Gornom Altae (po polevym materialam) [Old believer groups in the Altai Mountains (field materials)] // Polevye issledovaniya na Altae, v Priirtysh'e i Verkhnem Priob'e (arkheologiya, ehtnografiya i ustnaya istoriya): 2017 god: Materialy XIII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii. – Gorno-Altajsk: BITS Gorno-Altajskogo gosudarstvennogo universiteta, 2018. – S. 312–317. (in Russian)
- Shietova N. I.** Traditsii chashnichestva u staroverov Ujmonskoj doliny Gornogo Altaya [The tradition of carnicella old believers of the uymon valley in the Mountain Altai] // Sibir' na perekrest'e mirovykh religij: Materialy IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii. – Novosibirsk: Izd-vo Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta, 2009. – S. 314–318. (in Russian)

Shietova Natal'ya Ivanovna, Candidate of Historical Sciences, Junior Researcher.

Institute of Archaeology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences.

Ave. Academician Lavrentiev, 17, Novosibirsk, Russia, 630090.

E-mail: natalja.sni2011@yandex.ru